Ленинградский Рабочий
г. Ленинград
22 ЯНВАРЯ 1982 г.

ДЕПУТАТСКИЙ МАНДАТ

БЕЗ РЕЖИССУРЫ

ПОЛЮБИ искусство больше самого себя, и тогда тебя полюбит искусство? Нет, я не оспариваю этот известный актерский афоризм, просто убеждена: чтобы любить искусство, надо больше всего на свете любить людей. Быть человеком, чье сердце отзывается на все доброе в нашей жизни и негодует, страдает, когда видит в ней недостойное и дурное.

...Всегда разный и неизменно узнаваемый, он покоряет не только изумительной силой своего таланта. Есть тут, мне кажется, и еще один, сугубо личностный момент: подкупающее обаяние артиста, добросердечность, истинная интеллигентность. Может быть, именно эти качества внушают избирателям особое доверие к депутату Ленинградского городского Совета, потому что обращаются к нему, члену постоянной комиссии по культуре, с самыми разными вопросами и из самых разных избирательных округов. Дело не только в этом, считают работники Исполкома Ленгорсовета. Принципиальность, спокойная вдумчивость, умение сочетать интересы государства с интересами человека позволяют ему разбираться в самых сложных, иногда каверзных вопросах, помогая отделам городского Совета правильно их решать. В этом — главная задача депутата.

...Но вот я увидела Стржельчика в гневе. Нет, не на сцене, где чувства запрограммированы драматургом и выверены режиссером, а в будничной житейской ситуации. И вспомнилось: «Не умея ненавидеть, невозможно искренне любить...»

Еще по телефону, когда я попросила Владислава Игнатьевича припомнить несколько наиболее интересных депутатских дел, он сказал, как отрезал: «У депутата нет таких дел». Каких таких, подумала я? Сюжетно интересных? Но долго размышлять над этой фразой не пришлось: на следующий день я должна была встретиться со Стржельчиком в театре, чтобы обстоятельно потолковать о делах депутатских.

Но наша первая встреча с ним не состоялась. Владислав Игнатьевич пришел точно в назначенное время, минута в минуту, однако лишь для того, чтобы принести свои извинения и в тот же миг умчаться в больницу, на помощь человеку, которому отказали в лечении.

— Нет, это не мой человек, не родственница, — бросил он уже на ходу. — Это жена нашего шофера, а пользующая ее врач оказалась вульгарной вымогательницей.

Вот тут, толком ничего еще не поняв, я увидела Стржельчика в гневе...

И только на следующий день, а точнее — поздним вечером, когда народный артист СССР и народный депутат Ленинградского городского Совета В. И. Стржельчик после спектакля, визитов в больницу, встреч с избирателями, со зрителями, звонков в различные организации и множества других неотложных дел, творческих и общественных, закончил очередную репетицию, я узнала подробности этой грустной истории:

Приняв больную за родственницу депутата — ведь он проявил такое участие в ее судьбе! — врач Х. недвусмысленно попросила Стржельчика устроить семье своей сестры шестикомнатную квартиру... для четверых, проживающих в четырехкомнатной. Получив деликатный отказ («Вы понимаете, я был вынужден сдерживаться, терпеливо объяснять, что для этого нет никаких оснований, что в портфеле у меня лежат документы блокадницы, живущей в коммунальной квартире»), она под разными предлогами прервала лечение.

Особенно обидно, что с этой больницей Стржельчика связывают давняя дружба и глубокое уважение к благородной работе врачей. Лет 6—7 тому назад, когда Владислав Игнатьевич был еще депутатом районного Совета и проводил свой отпуск на теплоходе «Грузия», к нему подошел молодой паренек: «Товарищ депутат, — сказал он, увидев депутатский значок. — У меня была тяжелая травма. Помогите, пожалуйста, устроиться в известную ленинградскую больницу».

В больнице к просьбе депутата, хотя его подопечный был из другого города, отнеслись с пониманием. И вот теперь — эта история...

«У депутата нет таких дел...» Я начинаю понимать, что стояло за нарочитой резкостью этой фразы. Нет, не только сиюминутное раздражение и одинаковая заинтересованность в любом деле. Озабоченность, прежде всего озабоченность всем, что гасит в людях радость, и воинствующе-брезгливое, открытое неприятие зла, торгашества, низости, в чем бы они ни проявлялись.

— Ну что вы хотите, — сказал о Х. один из моих знакомых, — она просто дура.

Глупость и благородство — понятия несовместимые, убежден Владислав Игнатьевич, как несовместимы неблагодарность и порядочность. С неменьшим, наверное, возмущением, хотя и с известной долей юмора, он рассказал мне о недавнем случае в театре, когда людям пошли навстречу и разрешили подростку присутствовать на вечернем спектакле, в ложе бенуара, куда были куплены билеты. Как всегда, в эту ложу поставили стул для дежурного врача. «Я закупил кабину один на шестерых!» — заявил владелец ложи и потребовал убрать седьмой стул, хотя он нисколько не мешал зрителям.

— Но мы пошли вам навстречу и пропустили мальчика: не мерзнуть же ему на морозе...

— Тогда вы допустили первое нарушение, — парировал обладатель «кабины», — а сейчас допускаете второе. Я буду жаловаться!

— Можете себе представить, чего стоил администрации театра этот инцидент во время спектакля? — заключил свой рассказ Стржельчик.

А я снова подумала, как умудряется знаменитый артист, занятый в десятках ролей на сцене театра и в кинематографе, быть вездесущим? И какое, собственно, отношение имеет депутат к этой забавной, по сути, истории?

Самое прямое, оказывается, потому что круг его интересов и забот не ограничивается избирательным округом и часами приема трудящихся. Я знаю, как часто выступает популярный артист на предприятиях, в воинских частях, как охотно встречается с тружениками села и всегда с воодушевлением рассказывает о своей депутатской работе, отвечает на многочисленные вопросы зрителей. Один ему задают особенно часто: что дает артисту работа в городском Совете?

— Все, — отвечает Стржельчик. — Ведь это школа жизни, общение с людьми, наблюдение за их поступками, характерами. Нет других таких учебников, нет другой такой школы. Можно ли быть агрономом, не работая на земле? Можно ли играть на сцене, не зная жизни?

...Вот откуда истоки жизненной правды и высокой гражданственности артиста, высекающей искры благородного порыва от соприкосновения актерского и зрительских сердец. Вот откуда умение слушать время и отзываться на его проблемы...

— Экономика должна быть экономной. А вы знаете, сколько стоит снег? — прервал мои размышления Стржельчик. — Да, да, обыкновенный снег, если его не убирать своевременно. Это же сотни больничных листов, дополнительные материальные затраты и потери. Работа по снегоочистке в нашем городе организована неплохо, но ведь не всюду же, не всюду. У Пушкинского театра груды льда можно было взять только отбойным молотком, но ведь после этого надо менять асфальт!

Не хватает снегоуборочных машин? В одной жилконторе я спросил, почему же не привлечь к этому жителей близлежащих домов, работников организаций. Можно, конечно, ответили мне, но где мы столько лопат возьмем?

Но дело не только в нерасторопности некоторых служб городского хозяйства, считает Стржельчик. Забота о городе и горожанах, о благополучии каждого из нас — это прежде всего дело гражданской совести каждого ленинградца, каждого руководителя, в первую очередь. Почему же нас надо поднимать на авралы, почему мы непременно ждем для этого директив?

— Я видел на днях, — рассказал Владислав Игнатьевич, — как заведующая молочным магазином, немолодая уже женщина, вышла в белом халате с ломиком в руках и рубила у входа обледеневший снег. Она была заинтересована, чтобы покупатели не падали и не ломали себе руки и ноги, чтобы торговля шла нормально.

А разве можно экономить на водосточной трубе, которая не выдержит напора льда и завтра рухнет? Какими должны быть коленца и диаметр этих труб, чтобы они функционировали нормально? Да спросите любого старого дворника — он скажет. Только не надо для этого открывать научно-исследовательские институты...

Депутат с воодушевлением говорит о том, как много доброго делается в нашем городе для людей, сколько благоустроенных квартир получают ленинградцы. Но почему сотни новоселий должны омрачаться грудами мусора, которые оставляют после себя строители, погребая в них дорогостоящие материалы? Элементарная, непростительная бесхозяйственность. Вот и приходится депутату — полномочному представителю городского Совета, звонить по жилконторам, строительным организациям, требовать, напоминать: заберите свой мусор, свой бетон. Там же краска осталась, металл, они же государственные!

— А как иначе? Ведь мне перед избирателями отчитываться.

...Работник Исполкома городского Совета как-то рассказала мне, давно уже это было, какую «войну» повел Стржельчик с винно-водочным магазином на Бородинской улице, расположенным рядом с двумя школами и детскими учреждениями. Нежелательное, прямо скажем, соседство.

Вспомнив об этом, я спросила Владислава Игнатьевича, сколько длилась эта «война» и чем она закончилась.

— Победой: магазин закрыли. А длилась она три года.

Но все дело в том, что воюет депутат Стржельчик с беспорядками не только от имени городского Совета, а по воле, инициативе, требованию самих избирателей. Вместе с ними. И в этом — сущность подлинного народовластия, истинный демократизм нашего строя.

Я спросила Стржельчика: если бы в нашей жизни не было проблем, чем бы вы как депутат занимались?

Беспроблемной жизни не бывает, ответил Владислав Игнатьевич, но не надо эти проблемы искусственно создавать — бесхозяйственностью, нерадивостью, равнодушием к порученному делу. Ну а чем меньше проблем, тем больше времени и возможностей решать конструктивные вопросы, рассматривать предложения, с которыми приходят избиратели, помогать людям. Ведь за каждой просьбой—судьба человека, иногда и целой семьи. А обращаются к депутату с самыми разными вопросами, часто просто за советом: как жить, куда пойти учиться, какую выбрать профессию, как поступить в сложной ситуации.

— А трудно приходится депутату, которого практически знают все и идут, как к хорошо знакомому человеку с особенным, наверное, доверием и особенной надеждой на помощь, на понимание?

— Трудно,—признался Стржельчик. — Если тебе верят как актеру, значит, верят и человеку. Оправдать такое доверие, сделать все возможное и невозможное, чтобы помочь людям, — без этого я не мыслю себе депутатской работы... Когда играешь положительных героев, тебе особенно доверяют, и это обязывает.

— Ну вам-то, Владислав Игнатьевич, доводилось играть и злодеев, и чужестранных полководцев, и даже августейших особ.

Стржельчик не принял шутки: слишком серьезна для него тема нашей беседы.

— А вам приходилось когда-нибудь ошибаться, решая вопросы своих избирателей? — повернула я разговор в прежнее деловое русло.

— Случалось. Однажды, это было в начале моей депутатской работы, я ходатайствовал перед исполкомом в пользу одной из двух семей, хотя основания на получение освободившейся комнаты были у них равными. А спустя несколько дней, интуитивно, что ли, усомнился в правильности своего решения. Тут же поехал в квартиру, где освободилась комната, и узнал, что женщина меня обманула — у ее мужа была еще отдельная квартира. А та, другая, умолчала об этом. Просто из благородства. Считала для себя недостойным говорить о чужих делах. Решение пришлось изменить в ее пользу.

Стржельчик не говорит об ответственности депутата, представляющего Советскую власть и не имеющего права на ошибку. Эта ответственность у него в крови. И, мне думается, не счастливый для избирателей случай, а вся жизнь истинно народного артиста закономерно привела его на высокий пост народного депутата.

А. ОСИПОВА